

Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94).
Political Linguistics. 2022. No 4 (94).

УДК 811.111'42:811.111'38:338.45(470.55)
ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55

ГСНТИ 16.21.07; 16.21.33;

Код ВАК 10.01.10; 10.02.19 (5.9.8; 5.9.9)

Светлана Леонидовна Кушнерук

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, Svetlana_kush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4447-4606>

Идеологема «SOVIET UNION» как концептуальная основа миромоделирования в журналистском нарративе о Челябинске

АННОТАЦИЯ. Рассматривается идеологема SOVIET UNION (Советский Союз) как концептуальная основа миромоделирования в журналистском нарративе. Актуальность работы определяется необходимостью изучения идеологически маркированных феноменов в медиакоммуникации и их роли в формировании оценок субъектов российской действительности с позиций представителей западной цивилизации. Цель — выявить специфику смыслопроизводства о Челябинске как элементе глобального социума, стратегически значимом «тишечном» городе «новой России» в сюжетно-событийных формах американского журналистского нарратива. Методология исследования основана на достижениях зарубежной и отечественной дискурсологии, когнитивной лингвистики, политической лингвистики, а также положениях теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования. Для изучения миромоделирующего потенциала идеологемы помимо общенаучных методов применяются лингвоидеологический, дискурсивный, фреймовый и контекстологический анализ. Материалом послужили 344 контекста, извлеченных из книги Э. Гэррелс «Putin Country: A Journey Into the Real Russia», не имеющей русскоязычной версии.

В результате исследования обосновано понятие текстового мира как репрезентационной структуры, организующей смыслы в журналистском нарративе. Установлено, что идеологема SOVIET UNION способствует пониманию современных реалий города в терминах советского прошлого. Миромоделирующий потенциал идеологемы охарактеризован с точки зрения индуцируемых фреймов как индикаторов конструируемых систем значений. Доказывается, что фреймирование осуществляется с помощью механизма слотового фильтра. Названа ключевая стратегия миромоделирования. Определено, что диагностические фреймы и слоты задают векторы осмысления городской жизни сквозь призму социальных проблем в здравоохранении, городской среде, религии, промышленности, образовании. Исследование вносит вклад в медиалингвистику, политическую лингвистику, дискурсологию. Его результаты могут способствовать пониманию «внешней» перспективы, накладываемой на презентацию явлений в России, и оказаться полезными для разработки теории языка информационного противоборства в интересах нашей страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, американские СМИ, языковые средства, язык СМИ, миромоделирование, идеологема, политическая идеология, советский период, фреймы, уральские города, городская среда, промышленные города, уральская промышленность, журналистика нарратива.

БЛАГОДАРНОСТИ: исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129; e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кушнерук, С. Л. Идеологема «SOVIET UNION» как концептуальная основа миромоделирования в журналистском нарративе о Челябинске / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 21–30.

Svetlana L. Kushneruk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, Svetlana_kush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4447-4606>

The Ideologeme “Soviet Union” as a Conceptual Platform of World Modeling in Journalistic Narrative About Chelyabinsk

ABSTRACT. The article deals with the ideologeme SOVIET UNION as a conceptual foundation of world modeling in journalistic narrative. The urgency of the study can be attributed to the need to investigate ideologically marked phenomena in media communication and their role in evaluation of the Russian reality subjects from the point of view of members of the Western civilization. The goal of the author is to identify the world modeling potential of the ideologeme SOVIET UNION in the American journalistic narrative about the city of Chelyabinsk as an element of the global society – a “typical” city of the “new Russia”. The research methods are based on the achievements of the home and world discourse studies, cognitive linguistics, political linguistics, and the postulates of the theory of cognitive-discursive world modeling. To gain a deeper understanding of the Soviet ideologically marked elements and their charge in representation of the Russian industrial city, discourse analysis, frame analysis, lingo-ideological analysis and contextological analysis are claimed central to the research. The research sample includes 344 contexts from the book by the American correspondent Anne Garrels “Putin Country: A Journey Into the Real Russia”. The book has not been translated into Russian.

© Кушнерук С. Л., 2022

As a result of her research, the author has worked out and substantiated the notion of textual world as a representational structure, which organizes meanings in the journalistic narrative. The study argues that the ideologeme SOVIET UNION contributes to the understanding of the modern realities of the Russian city in terms of the Soviet past. The world modeling potential of the ideologeme SOVIET UNION is characterized in the perspective of the frames induced as indicators of the semantic systems built. It is shown that framing is effected via the mechanism of slot filtering. The key strategy of world modeling has been identified. It has been found that diagnostic frames and slots represent the city life through the prism of numerous social problems in healthcare, urban environment, religion, industry, and education. The study makes a certain contribution to media linguistics, political linguistics and discourse studies. The findings may facilitate the understanding of the “external” perspective, superimposed on the presentation of the Russian reality, and can be useful for further elaboration of the theory of the language of information confrontation in the interests of our country.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, media discourse, media texts, mass media, American mass media, language means, mass media language, world modeling, ideologemes, political ideology, soviet period, frames, cities of the Urals, urban environment, industrial cities, Urals industry, narrative journalism.

ACKNOWLEDGMENTS: this research has been financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of CSU 2022.

AUTHOR'S INFORMATION: Kushneruk Svetlana Leonidovna, Doctor Philology, Associate Professor, Professor of Department of Theory and Practice of English, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

FOR CITATION: Kushneruk S. L. (2022). The Ideologeme “Soviet Union” as a Conceptual Platform of World Modeling in Journalistic Narrative About Chelyabinsk. In *Political Linguistics*. No 4 (94), pp. 21-30. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первой четверти XXI века исследование миромоделирования вызывает большой интерес литературоведов и дискурсологов (М. Р. Бабикова, М. В. Безрукова, С. В. Волошина, Т. А. Демешкина, Г. Т. Гарипова, Л. И. Ермоленкина, Е. С. Курукалова, Н. А. Мишанкина, З. И. Резанова, А. В. Рухлов, Т. В. Швецова, Ю. А. Эмер и др.). Развитие отечественных традиций изучения ментально-языковых феноменов в тексте и дискурсе привело к укреплению двух исследовательских направлений — **художественного миромоделирования** и **когнитивно-дискурсивного миромоделирования**, — что, вместе с тем, выявило много белых пятен, заслуживающих научного внимания. **Актуальность** настоящей работы определяется необходимостью анализа механизмов миромоделирования, осуществляемого с опорой на идеологию как систему взглядов, выражающую интересы политики. В дискурсологии практически отсутствуют работы, посвященные изучению миромоделирующего потенциала идеологически маркированных феноменов концептуальной природы, которые относятся к советскому прошлому и используются зарубежными авторами в настоящем для конструирования оценок объектов российской действительности.

Считаем важным восполнить эту лакуну и ставим **цель** выявить особенности смыслопроизводства о Челябинске как «типичном» городе «новой России» в нарративе американской журналистки, не имеющем русскоязычной версии.

Настоящая статья является частью научного проекта, направленного на изучение особенностей репрезентации стратегически

важного для России города зарубежными журналистами.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: КОГНИТИВНО- ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ СМЫСЛОПРОИЗВОДСТВА

Понятие миромоделирования относится к числу активно разрабатываемых в современной дискурсологии и медиалингвистике. Об этом свидетельствуют отечественные публикации последнего десятилетия, которые способствуют пониманию механизмов формирования общественных настроений как результата миромоделирования [Будаев, Кушнерук, Курочкина 2022; Кушнерук, Чудинов 2019], особенностей аксиологического миромоделирования [Ермоленкина 2014], технологий миромоделирования в интернет-дискурсе [Бабикова 2021], приемов вариативного миромоделирования [Лабутина 2017], манипулятивных аспектов миромоделирования [Шевелева 2018] и др. Миромоделирование в целом определяется как «структурирование информации о действительности, производимой и воспроизводимой в дискурсе, которое приводит к образованию репрезентационных структур» [Кушнерук 2020: 94].

Понятие репрезентации, имеющее ментальную природу, является центральным в когнитивной науке и востребованным в дискурсологии. Оно относится как к «процессу представления мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире» [Репрезентация, ментальная репрезентация www]. Поскольку артефакты сознания актуализируются ресурсами языка, понятие репрезентации используется в теории когнитивно-дискурсивного

миромоделирования [Discourseworld www], где оно уточняется для обозначения **репрезентационных структур**, — объективируемых в дискурсе ментальных конструктов, которые соотносятся с процессами и результатами представления вещного мира в целях формирования смыслов, оценок и общественного мнения. К базовым типам относятся дискурсивный мир и текстовый мир. Они организованы по принципу «матрешки», т. е. в более объемном концептуальном поле дискурсивного мира обозримы «вложенные» элементы, отвечающие за детализацию, — текстовые миры. Характер материала, избранного для анализа, позволяет нам ограничиться последним.

Текстовые миры являются разновидностью репрезентационных структур, представляющих собой проекции жизни российского промышленного города Челябинска в сюжетно-событийных формах нарратива. Под **журналистским нарративом** мы понимаем повествование, включающее упорядоченную серию событий, обладающих временной и причинной связью, разворачивающихся при определенных обстоятельствах с реальными участниками [Качанов 2021: 20—29].

Учет интересов отдельных социальных групп (символических элит) в конструировании дискурсивно опосредованного социального взаимодействия приобретает значимость в рамках журналистского миромоделирования. Журналисты являются оформителями и организаторами мировидения и фактически определяют то, как аудитория осмысливает действительность. Адресат воспринимает реальный мир через текстовые миры авторской журналистики. Идеологические смыслы усиливают манипулятивность воздействия.

Возникновение понятия **идеологемы** обусловлено интересом к проблемам воспроизводства идеологии. О его научной востребованности свидетельствуют работы О. И. Воробьевой, Г. Ч. Гусейнова, Е. А. Земской, С. В. Ивановой, Н. И. Клушиной, Н. А. Купиной, Е. Г. Малышевой, А. А. Мирошниченко, Е. А. Нахимовой, Н. В. Смирновой, С. Е. Тимофеева, А. П. Чудинова и др., обогатившие лингвистику в конце XX — начале XXI в. Термин имеет широкую (концептуальная единица, включающая идеологически маркированные признаки) и узкую (слово, в значении которого присутствует идеологический компонент) трактовки [Чудинов 2018: 92].

Выделяют три основных направления исследования идеологем. *Лексикологический подход* возникает в рамках изучения тоталитарного дискурса (Г. Ч. Гусейнов, Н. А. Купина и др.): идеологема соотносится

со словом или словосочетанием, значение которого содержит идеологический компонент (*красная угроза*). *Когнитивно-стилистический подход* акцентирует внимание на ментально-стилистической природе идеологем и их роли в формировании массового сознания (Н. И. Клушина). *Когнитивно-дискурсивный подход* трактует идеологему как многоуровневый концепт, включающий идеологически маркированные признаки — о власти, государстве, политических системах (Е. Г. Малышева, Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов).

Признано, что идеологема входит в круг ментальных единиц, обладающих национально-культурной спецификой, аксиологичностью, частотностью вербализации, широким разнообразием способов знаковой репрезентации [Кушнерук, Курочкина 2019; Малышева 2009; Нахимова 2011]. Использование идеологем предполагает целенаправленное воздействие адресанта на адресата с помощью укорененных в общественном сознании установок и социально-политических стереотипов.

Считаем, что идеологема также обладает **миромоделирующим потенциалом**. Он реализуется посредством актуализации в текстовом мире нарратива интерпретационных схем (фреймов), которые устанавливают связь между объектами репрезентации (люди, события, ситуации) и идеологией, кристаллизующейся в политических, правовых, этических, религиозных и иных квантах смысла, что способствует объяснению явлений в желательном для адресанта направлении и формированию в сознании адресата идеологизированного мировидения.

В текстовом мире журналистского нарратива о Челябинске объективируется идеологема SOVIET UNION, лежащая в основе репрезентации города. Поскольку единица рассматривается нами как сложный многоуровневый концепт, мы развиваем мысль о том, что «фреймы организованы вокруг концепта», они содержат основную ассоциируемую с ним информацию [Медийная репрезентация... 2021: 56].

Исходя из этого, миромоделирующий потенциал идеологемы выявляется посредством установления фреймов как значимых индикаторов конструируемых в текстовом мире нарратива систем значений. На основе критического анализа большого числа зарубежных публикаций (подробный обзор представлен в работе [Кушнерук 2022]) нами выработано рабочее определение.

Фрейм — концептуальный инструмент (схема интерпретации), благодаря которому адресант отбирает аспекты окружающей

действительности и при помощи языка делает их заметными в тексте таким образом, чтобы это способствовало определению социальной проблемы, установлению причинно-следственных закономерностей, продвижению определенных оценок и решений для осмысления адресатом описываемых явлений и событий.

Видовой концептуальной единицей является **диагностический фрейм**, который выделяется на основе выполняемой функции [Benford, Snow 2000]. Медицинская метафора проясняет, что такие фреймы «диагностируют», т. е. определяют проблему, вовлеченных социальных акторов («жертвы», виновные, ответственные лица) и устанавливают причины, условия, процессы, предопределившие ее проявление.

Ниже будет продемонстрировано, что идеологема SOVIET UNION способствует пониманию современных реалий Челябинска в терминах советского прошлого. Фреймирование осуществляется с помощью **механизма слотового фильтра**. Это проявляется в селективной репрезентации смысла о Челябинске средствами текстуальности в соответствии с идеологической позицией автора.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для исследования является книга «Страна Путина: путешествие в настоящую в Россию» американской журналистки Э. Гэррелс, которая работала корреспондентом Национального общественного радио США в Советском Союзе, а затем в России [Garrels 2016]. Работа целиком и полностью посвящена Челябинску 1990-х и 2010-х гг. Автору понадобилось более десяти лет, чтобы создать произведение о жизни «типичного» города новой России.

Для исследования идеологемы SOVIET UNION как концептуальной основы миромоделирования проанализированы 344 контекста употребления лексемы *Soviet*. Помимо общенаучных методов наблюдения, описания, интерпретации, классификации и моделирования привлекаются лингвоидеологический, дискурсивный, фреймовый и контекстологический анализ.

Лингвоидеологический анализ, опирающийся на достижения лингвистики информационно-психологической войны [Лингвистика... 2019, 2020, 2021], избран для определения идеологического содержания нарратива и особенностей реализации идеологемы на основе семантики и прагматики ключевой лексемы. **Дискурсивный анализ** способствует выявлению корреляций между структурами значения и структу-

рами выражения с учетом широкого спектра контекстуальных факторов. **Фреймовый анализ** обеспечивает возможность систематизации интерпретационных схем, активируемых автором с целью оказания воздействия на адресата. Для выявления слотов используется **метод контекстологического анализа**, предполагающий изучение импликационных отношений непосредственно сочетающихся с лексемой *Soviet* слов. Импликационал очерчивает область того, что названо данным именем и реализуется в тексте. Благодаря интеграции названных методов в ходе исследования были выделены три диагностических фрейма, предопределивших восприятие города как тянущего «бремя» советского прошлого: **Челябинск в советское время, Челябинск в постсоветское время, Челябинск 1990-х гг. сквозь линзу социальных проблем**. В рамках настоящей статьи рассматривается последний.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЧЕЛЯБИНСК 1990-Х ГГ. СКВОЗЬ ЛИНЗУ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Выявленный фрейм задает проблемное поле и предлагает оценки состояния города Челябинска в общественно значимых сферах — здравоохранении, городской среде, промышленности, религии, образовании. При этом в текстовом мире нарратива моделируется образ блага, сошедшего на город в виде помощи Запада и его влияния, что, в перспективе авторского миромоделирования, сыграло существенную роль для решения многих социальных проблем в постсоветский период.

Здравоохранение. Одной из сфер социального неблагополучия признано здравоохранение, которое, по словам журналиста, в Советском Союзе обещало гораздо больше, чем могло дать: *Health care in the Soviet Union had always promised far more than it could deliver*.

В текстовом мире нарратива представления о помощи Запада аксиологически маркированы. Стержнем выступают лексико-семантические средства, активируемые в рамках дискурсивной стратегии предикации, которая отвечает на вопрос: «Какие черты, характеристики, качества и особенности приписываются объектам, событиям, действиям и социальным явлениям?» [Reisigl, Wodak 2001: 45].

Предикации имеют позитивно оценочный характер в случае, когда денотатами выступают западные коллеги / американцы. Негативно квалифицируются участники постсоветской действительности, что в этом случае формирует концептуальную оппозицию «мы —

они». Под концептуальной оппозицией, вслед за Е. И. Шейгал, мы понимаем бинарную оппозицию концептов, входящих в отношения противоположности [Язык СМИ... 2012: 133]. В контекстах о системе городского здравоохранения ярко проявляется поляризация.

We — это американцы: *the average doctor was no more than what we consider a physician's assistant* [средний врач был не более чем тем, кого *мы* считаем помощником врача]. Ставится под сомнение компетентность «советских» врачей и качество их подготовки (ср. о лечении пострадавших в железнодорожной катастрофе 1989 г.): ***Soviet doctors had neither the means nor the training to treat the victims.***

Сквозь слотовый фильтр медицина Челябинска (и в целом российская) квалифицируется следующими признаками: неэффективность (*hardly efficient*), отсутствие гигиены (*not sanitary*), переполненность больниц (*overcrowded*), нехватка оборудования (*lack of equipment*), устаревшее оборудование (*primitive equipment, inadequate equipment*), растущая коррупция чиновников (*ever-growing corruption*), смехотворная заработная плата (*medical salaries are ridiculously low, poor pay*), нехватка квалифицированных врачей (*shortage of skilled doctors*), некачественный уход (*substandard care*), псевдонаучный подход (*pseudoscience from the Soviet period, radon baths*).

Подчеркивается зависимость от западного оборудования и лекарств (*dependence on foreign-made medicines, reliance on foreign medicines and foreign medical equipment*), таких как, например, антибиотики: [The doctors were] ***dependent on inconsistent Western aid for fundamentals like antibiotics.*** Характеристика оказанной западными коллегами помощи производится за счет средств, в ядре которых акциональные глаголы и наречия, выполняющие функцию усиления, — они [американские врачи] незамедлительно предложили свои услуги (***immediately volunteered their services***) и принялись обучать советских коллег (***taught their Soviet counterparts***).

Городская среда. Архитектура города также отмечена «печатью» советского времени. Дискурсивная стратегия предикации позволяет создать образ городских строений, характерных для сооружений в Советском Союзе и сохранившихся десятилетия спустя. В поле зрения автора-журналиста попадают рассыпающиеся бараки (*crumbling barracks*), грубые деревянные дома (*crude wooden houses*), полуразрушенные деревянные дома (*dilapidated wooden houses*), ветхие деревенские дома (*run-down village*

houses), грубые деревенские дома (*crude village houses*), советские жилые комплексы, соседствующие с огромными грязными заводами (*Soviet complexes that are situated next door to the vast, filthy plants*). Такая «селективность» обеспечивает мрачное видение города.

Показательно использование сленгизма *McMansions* и актуализация его синтагматической семантики в связи с тем, что особняки из красного кирпича с многочисленными башенками вошли в моду конца 1990-х годов. Ср.: *Some of the once-identical cement houses have been torn down in favor of the red brick McMansions replete with towers and turrets, the particular taste of the late 1990s.*

McMansions — жаргонный термин, который используется для обозначения большого, роскошного дома массового производства, лишённого архитектурной уникальности и стиля [<https://www.investopedia.com/>]. Номинация, созданная по аналогии с названием бренда McDonald's, который ассоциируется с общим, типичным, массовым потреблением, обладает уничижительной семантикой.

Жилищный кризис назван давним наследием Советского Союза: *It is a frantic effort to resolve the housing crisis, one of the Soviet Union's lingering legacies.* Позитивным опытом, который, как отмечает Гэррелс, удалось вынести горожанам «из развалин Советского Союза», стала возможность приватизации и получения жилья в собственности: *The only thing Anna and her family took away from the debris of the Soviet Union was a part of a house they were able to privatize and eventually own.*

Представления о плохом качестве объектов городского жилья складываются благодаря контекстной семантике словосочетаний: '*Soviet slum*' (советские трущобы), '*shoddy two-story structures*' (убогие двухэтажные строения), '*leaky Soviet windows*' (протекающие советские окна).

Анализ синтагматических отношений лексемы '*Soviet*' обнаруживает манифестации, которые указывают на «грубую» архитектуру повсеместно распространённых простых деревянных зданий и строгих одноэтажных домов из белого кирпича, которые ассоциируются с советским временем: *The housing could be anywhere in Russia — the ubiquitous simple wood structures or the stark one-story white-brick houses from Soviet times.*

Объективация идеологемы «*Soviet Union*» выводит на первый план концептуальную оппозицию «Россия — Советский Союз», которая обеспечивает интерпретацию существующего положения дел в терминах прошлого. Ср.: ***Chelyabinsk Opera House. The***

building is a modest copy of Moscow's Bolshoi, which the Soviets replicated in cities across the country.

Объект культурного наследия и образец театральной архитектуры города — Челябинский оперный театр — охарактеризован как «скромная копия московского Большого театра», который в Советском Союзе воспроизводили в городах по всей стране, что в очередной раз заостряет внимание на массовости, тиражировании и отсутствии уникальных характеристик.

Промышленность. Регион существовал и продолжает жить во многом за счет деятельности крупных заводов и фабрик. Представления о разнообразии видов промышленности формируются благодаря соответствующим обозначениям: *metallurgical and chemical plants* (металлургические и химические заводы), *industrial plants* (промышленные предприятия), *steel plant* (сталелитейный завод), *pipe plant* (трубопрокатный завод), *armament plants* (оружейные заводы), *military plants, military factory* (военные заводы), *plutonium-processing plant* (завод по переработке плутония), *Mayak processing plant* (перерабатывающий завод «Маяк»), *nuclear-processing plant* (завод по переработке ядерного топлива), *downtown factories* (фабрики в центре города), *zinc factory* (цинковый завод), *chocolate factory* (кондитерская фабрика), *tractor factory* (тракторный завод).

В нарративе тема представлена также неприглядно, как и сами заводы. Негативно-оценочная семантика преимущественно актуализируется оценочными эпитетами в сочетаниях с лексемами *'plant', 'factory'*: *'filthy plants'* (грязные заводы), *'foundering factories'* (разрушающиеся заводы), *'out-of-date factories'* (устаревшие заводы), *'abandoned factories'* (заброшенные заводы), *'gloomy factories'* (мрачные фабрики).

Наследие огромных советских предприятий, оставшихся вне модернизации, обозначено как «самая большая проблема города»: ***Chelyabinsk's biggest problem is its legacy of huge Soviet plants that have failed to modernize.***

Промышленность 1990-х переживала тяжелые времена: заводы, от которых зависело большинство людей, остановились, а рабочим платили зарплату «странными» товарами (*bizarre goods*), такими как хрустальные вазы или промышленные трубы, полученными по бартеру. Ср.: ***the steel, chemical, and armament plants on which most everyone depended were at a standstill. Workers weren't being paid or were paid in bizarre goods like crystal vases or industrial pipe their factories had received in barter deals.***

В глазах американской журналистки Челябинск выглядит угрюмым фабрично-заводским городом, где много разрушенных и устаревших промышленных объектов, оставшихся со времен Советского Союза.

Религиозные конфессии. Революция 1917 г. повлекла за собой репрессии против религии, которые в Челябинске оказались более жестокими, чем в других местах: ***Repression of religion was more draconian than in many other places*** [Draconian // Merriam-Webster www]. Семантика подавления актуализируется лексемой *repression* и получает усиление в составе сравнения. Импликационал лексемы *draconian* реализуется семемами 'жестокий' (*cruel*), 'суровый' (*severe*).

Имплицитно идея несоблюдения закона властью и дискриминации на основе религии. Несмотря на утвержденную советским законом многоконфессиональность, в Челябинске осталась только православная церковь. Мечети, синагоги и церкви других христианских направлений были закрыты. Ср.: ***Though Soviet law dictated that each confession have one place of worship in each community, Chelyabinsk was left with only one Orthodox church. Mosques, the synagogue, and churches for other Christian denominations were all shut down.***

Примечательна метафорическая репрезентация выделенной социальной проблемы. Она актуализирует несовместимость между военно-промышленным характером городской жизни и религией, традиционно ассоциируемой с духовностью и моралью. Отмечается, что Челябинск с его военными заводами и советской промышленностью был «мертвой зоной» для церкви: ***Chelyabinsk with its military plants and Soviet industry was a dead zone for the church.***

Вместе с тем Челябинск относительно терпим к другим вероисповеданиям, потому что в нем проживает большое мусульманское меньшинство: ***Chelyabinsk has been relatively tolerant of other creeds, in part because it has a large Muslim minority.***

Почти через столетие после революции (2012 г.) православная церковь стала консервативной структурой влияния: ***The Russian Orthodox Church, with its growing conservatism and power.*** Объяснение этого находится в истории, ведь православные традиции заняли центральное место в российской идентичности в связи с принятием христианства государственной религией князем Владимиром в 988 г. Ср.: ***The Orthodox Church has been central to Russian identity and empire since 988.*** По мнению Гэррелс, благодаря своим давним историческим корням, православная церковь была наиболее

полезна государству. **The Orthodox Church, because of its long historic roots, was most useful to the state.**

Развивая проблему дискриминации религиозных конфессий в городе, журналистка полагает, что катехизис Православной церкви провозглашает ее превосходство (*supremacy*) над всеми другими религиями: **The catechism of the Orthodox Church declares its supremacy over all other religions.**

Утверждая верховенство православной церкви, автор подчеркивает тесную связь церкви и власти в постсоветское время. Ведущее место в характеристике отношений между двумя социальными институтами играет метафора любовной связи, которая эксплицируется словосочетанием *'in bed'* — «в постели»: **After the first few post-Soviet years, the Orthodox Church... was once again in bed with the government.** Взаимопроникновение структур церкви и власти эксплицируется в неметафорических контекстах — через утверждение о том, что многие в церковном руководстве были агентами КГБ: **many in the church leadership were KGB agents.**

В поле зрения американской журналистки попадает сближение государства, церкви и СМИ в борьбе с внешним (скрытым) врагом — «иностранным влиянием»: **Today the government, church, and state-run media rail against a more shadowy enemy, «foreign influence».** Глагол *'rail'* акцентирует внимание на таких семантических компонентах, как *'нападать'*, *'критиковать'* [Word hippo www], что выводит на первый план восприятие социальных акторов как объединенных общей целью.

Образование. Наличие престижных городских школ (*prestigious high schools*) не устраняет проблем в образовательной сфере, ключевыми из которых являются нехватка квалифицированных учителей, упадок профессионального образования, плата за обучение.

В 1990-е гг. особенно ощущается губительное снижение роли профессиональных училищ (*demise of vocational schools*). Лексема *'demise'* включает семы *'смерть'* (*death*), *'гибель'* (*decease*), *'прекращение деятельности'* (*termination of operation*) [Demise // Dictionary.com]. Это не могло не отразиться на общей экономической ситуации и выборе молодых людей. Заводы не платили рабочим или платили мало (*factories seldom paid workers or paid them badly*), что заставляло талантливую молодежь искать места в юриспруденции, банковском деле, торговле и строительстве.

Серьезные усилия прилагаются в Челябинске и во всей стране, чтобы «удержать

хороших учителей», даже в лучших школах: **Russian schools struggle to keep good teachers, even the best ones.**

Постоянное сравнение с реалиями советского прошлого позволяет имплицировать негативную оценку политических изменений в России. Обратим внимание на репрезентацию проблемы оплаты «бесплатного» качественного образования. Ср.: **Free and good education was once something Russians could be proud of, but secondary students may soon be limited to taking only four basic subjects without paying a fee for extras.**

В приведенном контексте позитивно оценивается советское образование, которое было предметом гордости граждан. В перспекции, однако, за счет глагола *may* в сочетании с наречием *'soon'* (в скором времени) актуализируется эпистемическая модальность и формируется текстовый мир, способствующий опредмечиванию будущей ситуации с вероятностью ограничения школьников безвозмездным образованием в пределах четырех базовых предметов. Реальная ситуация связывается с потенциальным содержанием, имплицитующим отрицательную оценку перспектив образовательной сферы.

Американка подчеркивает, что, несмотря на государственный статус, элитный лицей взимает с родителей обучающихся плату, эквивалентную дополнительным пятидесяти долларам в месяц, что в нестоличном городе является немалой суммой: **Though a state school, it then charges parents the equivalent of an additional fifty dollars a month, a not insubstantial sum here.**

Негативная квалификация усиливается благодаря механизму иронии, которая реализуется лексическим модификатором *'allegedly'* (якобы), а также лексемой *'donations'* (пожертвования): **Principals at allegedly free state schools with better reputations already demand "donations" to accept students, and parents are regularly pressured to subsidize the purchase of equipment and building improvements.**

Образовательные учреждения города названы «якобы» бесплатными, что звучит как насмешка и «работает» на дискредитацию системы. Акцентируется внимание на том, что при поступлении ребенка в школу с хорошей репутацией директора оказывают давление на родителей, заставляя делать «пожертвования» на покупку школьного оборудования и ремонт здания. Показательно, что перспектива стороннего наблюдателя, которым выступает автор, усиливает контрастное восприятие академических преобразований.

На этом фоне вскрывается, что советская система обучения в селах была качественной (*good education*), поскольку она давала возможность поступить в колледж. В постсоветский период всё изменилось к худшему. Автор представляет проблему глазами интервьюируемых местных жителей, которые жалуются на нехватку учителей в деревнях: *these women lament the shortage of teachers in their villages, especially competent ones*.

Трансформация страны, связанная с отказом от советских традиций, не оправдала себя, а мечты жителей о сочетании лучшего из советской системы с новыми свободами не осуществились: *Their dreams of combining the best of the Soviet system with new freedoms have not been realized*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идеологема SOVIET UNION является концептуальной основой репрезентации Челябинска в американском журналистском нарративе. Ее миромоделирующий потенциал преимущественно реализуется через прямую негативную оценку реалий города, а также благодаря семантико-идеологическому наполнению концепта, насыщенного имеющимися у автора представлениями о Советском Союзе. Идеологема устанавливает аксиологические координаты и создает концептуальный ландшафт, в пределах которого оцениваются инициативы постсоветского государства.

Ментальная панорама, создаваемая в текстовом мире журналистского нарратива, формирует объемное идеологизированное видение южноуральского города. **Подведение под суперординату** выделяется как макростратегия миромоделирования, благодаря которой в ментальном пространстве запускается ключевой для интерпретации явлений вектор «Челябинск — Россия». Иными словами, феномены челябинской жизни репрезентированы как «типичное» проявление социально-политических проблем всей страны.

Оценочной лексике принадлежит ведущая роль в актуализации обсуждаемой идеологемы. Жизнедеятельность российского города также представлена сквозь призму значимых концептуальных оппозиций: «мы — они» и «Россия — Запад», которые активируются в текстовом мире нарратива параллельно с идеологемой.

Слотовый фильтр сосредоточивает внимание адресата на многочисленных аспектах социального неблагополучия, причины которого уходят корнями в советское время. Фрейм **Челябинск сквозь линзу социальных проблем** выделяет области, наиболее

травматичные для жителей (здравоохранение, городская среда, промышленность, религиозные конфессии, образование) и выводит на первый план острые социальные проблемы.

Идеологема SOVIET UNION вторгается в когнитивный тезаурус адресата, навязывая видение Челябинска как тянущего «бремя» прошлого. Под таким углом формируется образ унылого военно-промышленного российского города, которому не суждено отмежеваться от «шрамов» ушедшей эпохи.

На фоне отсылок к Советскому Союзу идеологический скептицизм автора приобретает большую убедительную силу для американского читателя, поскольку воскрешает в сознании живучий стереотип о «советской», а позже «русской» угрозе. Отрицательный модус идеологемы способствует выражению неодобрения существующего в России положения дел. Пейоративный контекст миромоделирования имплементирует заряд критики в отношении произошедших в 1990-е гг. перемен и политики действующего российского президента.

Дальнейшее изучение идеологического миромоделирования в инонациональных дискурсах может способствовать пониманию «внешней» перспективы, накладываемой на презентацию явлений в России, внести вклад в развитие медиалингвистики, политической лингвистики, лингвистики информационно-психологической войны и оказаться полезным для разработки теории языка информационного противоборства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агамджанова, В. И. Контекстуальная избыточность лексического значения слова / В. И. Агамджанова. — Рига : [б. и.], 1977. — 123 с. — Текст : непосредственный.
2. Бабикова, М. Р. Интернет-мемы как инструмент soft-power — технологии миромоделирования современной молодежи / М. Р. Бабикова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2021. — № 5. — С. 116—121.
3. Будаев, Э. В. Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ / Э. В. Будаев, С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина. — Санкт-Петербург : Научное издание, 2022. — URL: https://discourseworld.ru/electronic-library/monografii/budaev_e_v_kushneruk_s_l_kurochkina_m_a_2022_kommunikativnoe_soprovozhdenie_massovykh_protestov_v_sm/ (дата обращения: 10.07.2022). — Текст : электронный.
4. Ермоленкина, Л. И. Метаречевые реализации дискурсивной идеологии информационно-аналитического радио (на примере канала «Эхо Москвы») / Л. И. Ермоленкина. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — № 10. — С. 145—152.
5. Качанов, Д. Г. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия / Д. Г. Качанов. — Текст : непосредственный // Меди@льманах. — 2021. — № 3 (104). — С. 20—29.
6. Кушнерук, С. Л. Идеологическое миромоделирование в американском медиадискурсе / С. Л. Кушнерук. — Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 67. — С. 92—111. — URL: https://discourseworld.ru/electronic-library/stati_na_russkom_zyke/kushneruk_s_l_2020_ideologicheskoe_miromodelirovanie_v_amerikanskom_mediadiskurse/ (дата обращения: 1.06.2022).

7. Кушнерук, С. Л. Стратегическое фреймирование как объект зарубежной коммуникативистики: истоки, проблемы, перспективы / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. — 2022. — Т. 9. — № 2. — С. 243—259.

8. Кушнерук, С. Л. Новоидеологема в дискурсе американских СМИ / С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина. — Текст : непосредственный // Scientific Journal WEST-EAST / International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists «WEST-EAST» (ISPOP). — 2019. — Vol 2/1. — № 1. С. 87—91. — DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-87-91>.

9. Кушнерук, С. Л. Становление лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты / С. Л. Кушнерук, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 4 (1). — С. 105—118.

10. Лабутина, В. В. Лексические средства миромоделирования в post-truth дискурсе / В. В. Лабутина. — Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2017. — Т. 23. — № 1-2. — С. 96—100.

11. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Кн. II / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. — 488 с. — Текст : непосредственный.

12. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — 344 с. — Текст : непосредственный.

13. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Кн. IV / И. В. Башкова, Е. М. Боровой, Л. А. Гаврилов [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2021. — 340 с. — Текст : непосредственный.

14. Мальшева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Мальшева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 30. — С. 35.

15. Медийная репрезентация социальных проблем городов-побратимов : монография / Н. Г. Асмус, М. С. Журкова, Л. П. Ковальчук [и др.]. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. — 237 с. — Текст : непосредственный.

16. Нахимова, Е. А. Идеологема *Сталин* в современной массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 2 (36). — С. 153—157.

17. Репрезентация, ментальная репрезентация // Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова [и др.]. — 1997. — URL: <https://vocabulary.ru/termin/repzententia-sija-mentalnaja-repzententia.html>. — Текст : электронный.

18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 5-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2018. — 255 с. — Текст : непосредственный.

19. Шевелева, Е. О. Открытие Крымского моста: негативизация события западными СМИ / Е. О. Шевелева. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 8. — С. 218—230.

20. Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. — Москва : Издательство Московского университета, 2012. — 952 с. — Текст : непосредственный.

21. Benford, R. D. Framing processes and social movements: An overview and assessment / R. D. Benford, D. A. Snow. — Text : unmediated // Annual Review of Sociology. — 2000. — 26 (1). — 611—639.

22. Demise // Dictionary.com : site. — URL: <https://www.dictionary.com/browse/demise>. — Text : electronic.

23. Discourseworld : сайт. — URL: <https://discourseworld.ru/>. — Текст : электронный.

24. Draconican // Merriam-Webster : site. — URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/draconian>. — Text : electronic.

25. Garrels, A. Putin Country: A Journey Into the Real Russia / A. Garrels. — Picador : Farrar, Straus and Giroux, 2016. — Text : unmediated.

26. Reigl, M. Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism / M. Reigl, R. Wodak. — London ; New York : [s. n.], 2001. — 298 p. — Text : unmediated.

27. Word hippo : site. URL: <https://www.wordhippo.com/>. — Text : electronic.

REFERENCES

1. Agamdzhanova, V. I. (1977). Kontekstual'naja izbytochnost' leksicheskogo znachenija slova [Contextual redundancy of the lexical meaning of a word]. Riga, 123 p. (In Russ.)

2. Babikova, M. R. (2021). Internet-memy kak instrument soft-power — tehnologii miromodelirovaniya sovremennoj molodjzhi [Internet-Meme as a Soft-Power Tool: Technologies of World Modeling of the Modern Youth]. Political Linguistics, 5, 116—121. (In Russ.)

3. Budaev, Je. V., Kushneruk, S. L., & Kurochkina, M. A. (2022). Kommunikativnoe soprovozhdenie massovykh protestov v SMI [Communicative support of mass protests in the media]. Saint Petersburg: Naukoemkie tehnologii. Retrieved July 10, 2020, from https://discourseworld.ru/electronic-library/mo-nografii/budaev_e_v_kushneruk_s_l_kurochkina_m_a_2022_ko-mmunikativnoe_soprovozhdenie_massovykh_protestov_v_sm/ (In Russ.)

4. Ermolenkina, L. I. (2014). Metarechevye realizacii diskursivnoj ideologii informacionno-analiticheskogo radio (na primere kanala «Jeho Moskvyy») [Meta-speech implementations of the discursive ideology of information and analytical radio (on the example of the Ekho Moskvyy channel)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 10, 145—152. (In Russ.)

5. Kachanov, D. G. (2021). Mul'timedijnyj zhurnalistskij narrativ: k opredeleniju ponjatija [Multimedia journalistic narrative: to the definition of the concept]. Medi@l'manah, 3(104), 20—29. (In Russ.)

6. Kushneruk, S. L. (2020). Ideologicheskoe miromodelirovanie v amerikanskom mediadiskurse [Ideological world modeling in American media discourse]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija, 67, 92—111. Retrieved June 1, 2022, from https://discourseworld.ru/electronic-library/stati_na_russkom_yazyke/kushneruk_s_l_2020_ideologicheskoe_miromodelirovanie_v_amerikanskom_mediadiskurse/ (In Russ.)

7. Kushneruk, S. L. (2022). Strategicheskoe frejmirovanie kak ob'ekt zarubezhnoj kommunikativistiki: istoki, problemy, perspektivy [Strategic framing as an object of foreign communication science: origins, problems, prospects]. Kommunikativnye issledovaniya, 9(2), 243—259. (In Russ.)

8. Kushneruk, S. L., & Kurochkina, M. A. (2019). Novoideologema v diskurse amerikanskih SMI [New ideologeme in the discourse of the American media]. Scientific Journal WEST-EAST (Publ. of the International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists «WEST-EAST» (ISPOP)), 2/1(1), 87—91. DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-87-91> (In Russ.)

9. Kushneruk, S. L., & Chudinov, A. P. (2019). Stanovlenie lingvistiki informacionno-psihologicheskoy vojny: metodologicheskaja neodnorodnost' i pervye rezul'taty [Formation of linguistics of information-psychological warfare: methodological heterogeneity and first results]. Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika, 4(1), 105—118. (In Russ.)

10. Labutina, V. V. (2017). Leksicheskie sredstva miromodelirovaniya v rost-truth diskurse [Lexical means of world modeling in post-truth discourse]. Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija, 23(1-2), 96—100. (In Russ.)

11. Bernackaja, A. A., Gavrilov, L. A., Zhilina, V. A., et al. (2019). Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny : monografija [Linguistics of information-psychological warfare] [Monograph] (Vol. 2, Ed. Prof. A. P. Skovorodnikov). Krasnojarsk : Sib. Feder. Univ., 488 p. (In Russ.)

12. Bernackaja, A. A., Gornostaeva, Ju. A., Evseeva, I. V., et al. (2020). Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny : monografija [Linguistics of information-psychological warfare] [Monograph] (Vol. 3, Ed. Prof. A. P. Skovorodnikov). Krasnojarsk : Sib. Feder. Univ., 344 p. (In Russ.)

13. Bashkova, I. V., Borovoj, E. M., Gavrilov, L. A., et al. (2021). Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny : monografija [Linguistics of information-psychological warfare] [Monograph] (Vol. 4, Ed. Prof. A. P. Skovorodnikov). Krasnojarsk : Sib. Feder. Univ., 340 p. (In Russ.)

14. Malysheva, E. G. (2009). Ideologema kak lingvokognitivnyj fenomen: opredelenie i klassifikacija [Ideologeme as a linguo-cognitive phenomenon: definition and classification]. *Political Linguistics*, 30, 35. (In Russ.)
15. Asmus, N. G., Zhurkova, M. S., Koval'chuk L. P., et al. (2021). Medijnaja reprezentacija social'nyh problem gorodov-pobratimov: monografija [Media representation of the social problems of sister cities] [Monograph]. Cheljabinsk: Izd-vo Cheljab. gos. un-ta, 237 p. (In Russ.)
16. Nahimova, E. A. (2021). Ideologema Stalin v sovremennoj mas-sovoj kommunikacii [Ideologeme Stalin in the modern mass communication]. *Political Linguistics*, 2(36), 153—157. (In Russ.)
17. Kubryakova, E. S., et al. (Compilers). (1997). Re-rezentatsiya, mental'naya reprezentatsiya [Representation, mental representation]. In *Brief Dictionary of Cognitive Terms*. Retrieved from <https://vocabulary.ru/termin/rezentatsiya-mentalna-ja-rezentatsiya.html> (In Russ.)
18. Chudinov, A. P. (2018). Politicheskaja lingvistika: ucheb. posobie [Political linguistics] [Textbook]. (5th ed., ster.). Moscow: Flinta, 255 p. (In Russ.)
19. Sheveleva, E. O. (2018). Otkrytie Krymskogo mosta: negativizacija sobytija zapadnymi SMI [Opening of the Crimean bridge: negativeization of the event by Western media]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 8, 218—230. (In Russ.)
20. Solganik, G. Ja. (Ed.) (2012). Jazyk SMI i politika [Media language and politics]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 952 p. (In Russ.)
21. Benford, R. D., & Snow, D. A. (2000). Framing processes and social movements: An overview and assessment. *Annual Review of Sociology*, 26(1), 611—639.
22. Demise (n.d.). Dictionary.com. Retrieved from <https://www.dictionary.com/browse/demise>
23. Discourseworld (n.d.). Retrieved from <https://discourseworld.ru/>
24. Draconian (n.d.). Merriam-Webster. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/draconian>
25. Garrels, A. (2016). *Putin Country: A Journey Into the Real Russia*. Picador: Farrar, Straus and Giroux.
26. Reisigl, M., & Wodak, R. (2001). *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism*. London, New York, 298 p.
27. Word hippo (n.d.). Retrieved from <https://www.wordhippo.com/>